

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ТЕОРИЯ ВОЛН ИОГАННА ШМИДТА И ЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ АТТРАКЦИИ

Восемьдесят пять лет назад в г. Веймаре была опубликована работа немецкого лингвиста Иоганна Шмидта «Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen». В этой небольшой по объему книге автор высказал целый ряд свежих и интересных мыслей, получивших дальнейшее развитие в современной зарубежной лингвистике, но совершенно незаслуженно, как нам кажется, забытых в советском языкознании.

И. Шмидт впервые подверг резкой критике теорию родословного древа Шлейхера, который, учитывая различные явления, связывающие славяно-балтийские (славяно-латышские, по терминологии И. Шмидта) языки с немецким, с одной стороны, и известную близость греческого, латинского и кельтского — с другой, выдвинул гипотезу о том, что первые произошли из североевропейского языка-основы, а вторые — из так называемого южноевропейского языка-основы. Доказывая несостоятельность гипотезы Шлейхера, И. Шмидт обратил внимание на то, что славяно-балтийские языки, которые Шлейхер объединял с германскими, обнаруживают значительное количество общих черт с индо-иранскими языками. Скрупулезный учет всех этих общих черт показал, что славянские языки стоят ближе к иранским, чем литовский. Отсюда И. Шмидт сделал вывод, что «географически ближе расположенные друг к другу языки больше имеют между собой сходства, чем языки, более далеко отстоящие, что существует постепенный переход от индийских языков через иранские к славянским и от последних к литовским [балтийским], что славянские языки содержат больше арийских черт, чем литовский [балтийский], а иранский в свою очередь содержит больше славянских черт, чем санскрит»¹.

«Мы должны признать, — заявляет далее И. Шмидт, — что литовско-славянский, с одной стороны, неразрывно связан с немецким, а с другой — не менее тесно связан с арийским. Европейские, немецкие и арийские характерные черты взаимопроникают настолько основательно, что целый ряд явлений возник только в результате их органического взаимодействия»². «Славяно-латышский, — по мнению И. Шмидта, — не мог оторваться ни от немецкого, ни от арийского, а представляет органическое переходное звено от одного к другому»³. Очень интересны наблюдения И. Шмидта над лексическим составом этих языков. Лексика славяно-балтийских языков по сравнению с немецкой содержит в четыре раза больше арийских составных частей (61 : 15) и в десять раз больше немецких составных частей по сравнению с арийским словарным составом.

Далее И. Шмидт показывает, что и в южной Европе нет незыблемой границы между греческим и индо-иранскими языками. Несмотря на дей-

¹ J. Schmidt, Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, Weimar, 1872, стр. 15—16 (в этой цитате, как и в последующих, сохранена терминология И. Шмидта. — Б. С.).

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 17—18.

ствительное наличие общих черт, связывающих греческий язык с латинским и итальянскими, все же, по мнению И. Шмидта, нельзя пройти мимо тех особенностей, которые связывают греческий язык с индо-иранскими. И. Шмидт справедливо замечает, что в области спряжения глаголов ни один из индоевропейских языков не стоит так близко к индо-иранским, как греческий. Он обращает внимание читателя на наличие таких общих явлений в этих языках, как аугмент, аористы с удвоением, сходство в образовании некоторых инфинитивов, сходство в названии числительного «тысяча» и т. д. Оказывается также, что у греческого языка слов, общих с индо-иранскими, больше, чем у итальянских языков. Таким образом, и греческий язык оказался неразрывно связанным как с латинским, так и с индо-иранскими языками. Далее обнаружилось, что и кельтские языки являются промежуточным звеном между латинским и немецким языками. «Повсюду видим мы, — замечает И. Шмидт, — постепенные переходы от одного языка к другому»¹.

Не менее интересны наблюдения И. Шмидта относительно диапазона распространения общих черт в родственных языках. «Нельзя не признать, — говорит И. Шмидт, — что индо-германские языки тем больше теряют первоначальные особенности, чем дальше они продвинуты на запад, а два граничащие друг с другом языка обнаруживают всегда некоторые только им свойственные общие черты»².

«Теория волн» И. Шмидта неоднократно подвергалась критике. Некоторые лингвисты, как например, П. Кречмер, отчасти А. Лескин, критикуя И. Шмидта, одновременно пытались сгладить острые углы и, находя рациональное зерно в «теории волн», утверждали, что взгляды И. Шмидта не находятся в кричащем противоречии с взглядами младограмматиков. Более резкой критике подвергла «теорию волн» А. В. Десницкая, по мнению которой эта теория «не внесла чего-либо существенного в решение вопроса о процессах образования индоевропейских языков»³.

Не считая теорию волн И. Шмидта абсолютно правильной и безупречной, мы хотим в данной статье, опираясь на конкретные языковые факты, перечислить как доводы, ее подтверждающие, так и аргументы, свидетельствующие о ее недоработанности. Начнем прежде всего с анализа тех языковых явлений, которые подтверждают теорию волн И. Шмидта.

*

Распространение различных особенностей языка — как утвердившихся в его системе, так и вновь возникающих путем полной передачи — глубоко коренится в самой природе языка. Совершенно невозможно представить (если иметь в виду случаи естественного развития языка), чтобы каждая языковая инновация мгновенно стала достоянием всего языка в целом; начинаясь с импульса, она постепенно расширяет свою сферу.

Известен также другой факт, что особенности данного языка могут выходить за его границы. В настоящее время можно считать твердо установленным, что каждый язык всегда что-нибудь усваивает от смежного по территории расположения языка. Абстрагируемся на время от сложности процессов, которыми отличается историческое развитие языков, и представим мысленно целую цепь, состоящую, скажем, из восьми языков, расположенных на смежных территориях. Если доказано, что один язык может в какой-то мере влиять на соседний язык, то с течением времени все соседние друг с другом языки, входящие в эту цепь, неизбежно будут охва-

¹ I. Schmidt, указ. соч., стр. 26.

² Там же.

³ А. В. Десницкая, Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М. — Л., 1955, стр. 157.

чены так называемой языковой аттракцией, иными словами, каждый язык приобретет от соседнего некоторые его черты. Графически это можно было бы изобразить следующим образом:

12345678.

Попробуем теперь проверить эти абстрактные доводы на конкретном языковом материале. В настоящее время на территории Европы и Азии, пожалуй, трудно найти такую семью языков, все члены которой были бы выстроены в одну линию, так как различные территориальные перемещения носителей этих языков в известной мере запутали лингвистическую последовательность. Наиболее подходящими в этом отношении нам представляются современные самодийские и финно-угорские языки. Крайними восточными звеньями этой цепи являются самодийские и обско-угорские языки, а крайними западными звеньями — прибалтийско-финские.

В бассейне р. Оби территориально соприкасаются самодийские и обско-угорские языки. Самодийские языки настолько сильно отличаются от обско-угорских языков — хантыйского и мансийского, что, казалось бы, ничего не имеют между собой общего. Однако более внимательный анализ позволяет обнаружить в них целый ряд общих черт¹.

В области фонетики тенденция к спирантизации древнего веллярного χ является характерной чертой ненецкого², хантыйского и мансийского языков; ср. ненецк. *халл*, хант. *хул*, манс. *хул*, но финск. *kala*, марийск. *кол*, мордовск. *кол* «рыба»; ненецк. *хады*, финск. *kuusi*, эстонск. *kuus*, коми-зырянск. *коз*, марийск. *кож* «ель».

Падежная система самодийских и обско-угорских языков в общей совокупности составляющих их диалектов обнаруживает известное единство схемы. В самодийских языках имеются именительный, родительный, винительный, дательный-направительный, местный, отложительный, продольный, творительный-совместный и превратительный падежи. Последние два падежа отсутствуют в ненецком, но наличествуют в селькупском. В мансийском языке, по сравнению с селькупским, недостает только трех падежей — родительного, продольного и винительного. В ваховском диалекте хантыйского языка количество падежей и их функции почти полностью совпадают с количеством падежей и их функциями в селькупском языке.

Наблюдается также сходство семантического содержания некоторых падежей в ненецком и обско-угорских языках. По утверждению Н. М. Терещенко, местно-творительный падеж в ненецком языке выполняет как функции местного падежа, так и некоторые функции творительного, например: *гой ядхана мь' падлы* «на склоне хребта стоит чум»; *тубкажана ма-*

¹ Примеры в статье приводятся: из ненецкого языка — по работам Н. М. Терещенко «Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка» (Л., 1947) и «Краткий очерк лексики и грамматики ненецкого языка» (в кн. «Ненецко-русский словарь», Л., 1955), а также Г. Н. Прокофьева «Ненецкий (юрако-самоедский) язык» (сб. «Языки и письменность народов Севера, т. I — Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов», М. — Л., 1937); из энецкого диалекта — по работе Г. Н. Прокофьева «Энецкий (ендсейско-самоедский) диалект» (там же); из селькупского языка — по работе Г. Н. Прокофьева «Селькупский (остяко-самоедский) язык» (там же); из мансийского языка — по работе В. Н. Чернецова «Мансийский (вогульский) язык» (там же), по «Грамматическому очерку» в кн.: В. Н. Чернецов и И. Я. Чернецова, Краткий мансийско-русский словарь, М. — Л., 1936, а также по «Грамматическому таблицах по словоизменению в мансийском языке (имя существительное, местоимение, глагол)» А. Н. Баландина (Приложение I в кн.: Е. И. Ромбандеева, Русско-мансийский словарь для мансийской школы, Л., 1954); из хантыйского языка — по кн.: W. Steinitz, Ostjakische Grammatik und Chrestomathie, 2-e Aufl., Leipzig, 1950; по работе А. Н. Баландина «О языках и диалектах ханты» (сб. «В помощь учителю школ Крайнего Севера», вып. 5, Л., 1955).

² Надо отметить, что спирантизация веллярного χ свойственна не всем самодийским языкам.

В ненецком языке личные окончания глаголов, спрягающихся по переходному типу спряжения, совпадают с притяжательными суффиксами; ср. *hadaw* «я убил (его)» — *wənekow* «моя собака»; *hadar* «ты убил его» — *wənekor* «твоя собака» и т. д. То же самое явление наблюдается в обско-угорских языках. Правда, там притяжательные суффиксы и личные окончания глаголов в значительной части стали омонимичными, но в третьих лицах единственного и множественного чисел объектного спряжения связь личных окончаний с притяжательными суффиксами выступает особенно отчетливо; ср. в мансийском языке: *zapanył* «их лодка» и *totiyanıy* «они несут это»; в хантыйском: *cwet* «их девушка» и *malet* «они дают это».

Характерной чертой ненецкого языка является наличие двух прошедших времен. Одно из них имеет специфический показатель -с, например: *иледамъ* «я жил», *иленась* «ты жил», *илесь* «он жил» и т. д. Другое прошедшее время (оно иногда может передавать значение настоящего времени) не имеет по существу своего показателя, например: *хайдм* «я пошел, я поехал», *хайдм* «ты пошел, ты поехал» и т. д.

В обско-угорских языках имеется одно, так называемое с-овое прошедшее время; ср. в мансийском: *варсум* «я делал», *варсым* «ты делал», *варыс* «он делал» и т. д.; в хантыйском: *масым* «я дал», *масын* «ты дал», *мас* «он дал» и т. д. Однако некоторые данные диалектов заставляют предполагать наличие в древних обско-угорских языках двучленной схемы прошедших времен, как и в ненецком языке. В языке ваховских ханты, например, имеется так называемое бессуффиксальное прошедшее время, например: *ма верам* «я делал», *ма вэлам* «я жил», наряду с с-овым прошедшим временем, например: *ма версам* «я делал».

Ненецкий язык стремится выразить в глаголе число объекта, на которое распространяется действие переходного глагола, например: *хадав* «я убил (одного)», *хадар* «ты убил (одного)» и т. п.; *хадангахаюн* «я убил двоих», *хадангахаюд* «ты убил (двоих)» и т. д.; *хадаян* «я убил (многих)» и т. д. Подобными же свойствами отличается в обско-угорских языках и глагол; ср. в мансийском языке: *тотилум* «я несу это (один предмет)», *тотилгулм* «я несу эти (два предмета)», *тотиянум* «я несу эти (многие предметы)»; в хантыйском: *матем* «я даю это (один предмет)», *маттам* «я даю их (два или много предметов)».

На основе м-ового причастия в мансийском языке возникло так называемое повествовательное наклонение прошедшего времени, например: *минамум* «говорят, что я шел»; *минамын* «говорят, что ты шел»; *минам* «говорят, что он шел» и т. д. Эта форма употребляется в тех случаях, когда речь идет о действии, которое произошло не на глазах у говорящего, или когда нужно указать, что одно действие закончилось к началу другого действия¹. В ненецком языке причастие совершенного действия на -вы и -мы также может выступать в роли *verbum finitum*, значения которого в общем соответствуют значениям аналогичной формы в мансийском языке². Подобное явление свойственно и другим самодийским языкам; ср. предположительное наклонение в энецком диалекте, образуемое при помощи суффикса -*gi*; например *bū jiregi* «он, очевидно, жил», а также повествовательное наклонение в селькупском языке. По-видимому, то же самое явление отмечено В. Штейницем в хантыйском языке, где м-овое причастие иногда выступает в роли *verbum finitum*³.

В обско-угорских языках в роли личного окончания 2-го лица един-

¹ См. об этом: В. Н. Чернецов, Мансийский (вогульский) язык, стр. 185.

² О значениях причастий на -вы и -мы в функции сказуемого см. Н. М. Терещенко, Краткий очерк лексики и грамматики ненецкого языка, стр. 294.

³ W. Steinitz, указ. соч., стр. 70.

ственного числа выступает не *t* или *d*, как в остальных финно-угорских языках, а *n*, например: манс. *варегын* «ты делаешь», хант. *матын* «ты даешь». Эта же особенность свойственна также самодийским языкам, например ненецк. *илен* «ты живешь».

Трудно представить себе совершенно независимое, спонтанное происхождение всех этих особенностей. Мы имеем дело здесь с целым комплексом их, можно сказать — с языковой манерой, свойственной языкам особой зоны, которую мы предварительно называем восточно-приуральской языковой зоной.

Попробуем теперь произвести подобный анализ в финно-угорских языках, расположенных уже целиком на территории Европейской части СССР к западу от Урала. Непосредственно соседящим с ненецким языком в Европейской части СССР будет язык коми. В языке коми представлена уже иная языковая манера. В настоящее время в нем нет двойственного числа; по-иному организована падежная система; в системе глагола получило преимущество и-овое, а не с-овое прошедшее время; в спряжении нет противопоставления переходных и непереходных глаголов; иной характер имеет фонетическая система. Перед нами совершенно другой язык. Однако более внимательный анализ структуры этого языка позволяет обнаружить в нем некоторые следы тех черт, которые являются типичными для языков зоны восточного Приуралья.

Выше уже говорилось о том, что в системе глагола самодийских, мансийского и хантыйского языков ярко проявляется тенденция к выражению числа объекта посредством особых показателей, включаемых в форму глагола¹. В коми-зырянском языке множественность объекта в глаголе может выражаться посредством особого суффикса *-ал(-ав)*, например: *аслам кия-сён лэпталі яцикъяс машина выл* «своими руками поднимал ящики на машину». Это явление, хотя и в меньшей степени, свойственно удмуртскому языку, например: *Соколовы со трос юанъёс сётъя* «Соколову он задал много вопросов».

В языке коми различие между переходными и непереходными глаголами не проводится, но все же сохранились некоторые намеки на то, что некогда это различие проводилось. Так, например, все переходные глаголы в третьем лице единственного числа первого прошедшего времени имеют окончание *-с*, например: *босьтіс* «он взял», *лэптіс* «он поднял» (формы 3-го лица мн. числа — *босьтісны* «они взяли», *лэптісны* «они подняли») и т. д. У непереходных глаголов это *-с* иногда опускается, например: *лоі* «он стал», *уси* «он упал», *куси* «он погас», *муні* «он ушел», *вёлі* «он был» (соответственно формы третьего лица мн. числа — *муніны*, *усины*, *кусины*, *вёліны*) и т. д.

Как и в ненецком и обско-угорских языках, в большинстве диалектов коми языка в роли личного окончания второго лица единственного числа глаголов выступает *-и*, например *мукан* «ты идешь». Так же, как и в ненецком языке, в коми языке притяжательный суффикс второго лица единственного числа может иметь артиклевое значение. В некоторых диалектах коми языка притяжательные суффиксы были использованы в роли личных глагольных окончаний. Кроме того, коми-зырянский язык имеет известное количество слов, общих для него с обско-угорскими языками и не встречающихся в близко родственном ему удмуртском языке².

¹ В самодийских языках множественность объекта может выражаться также посредством особых видовых суффиксов; ср., например, в селькупском: *tip' tēqynly* «шпильков (много) наделал он», а также в ненецком: *гада (сы)* «убить», *таберыч* «поубивать многих».

² В то же время интересно отметить, что в некоторых южных диалектах языка коми, расположенных на территориях, более близких к зоне распространения удмурт-

Если в языке коми имеются некоторые следы тяготения к языкам зоны восточного Приуралья, то в удмуртском языке эти черты постепенно утрачиваются. Резко снижается количество глагольных суффиксов с видовым значением, не наблюдаются в первом прошедшем времени случаи использования притяжательных суффиксов в роли личных окончаний, нет следов бывшего различия переходных и непереходных глаголов, отсутствует личное окончание второго лица *-н*, глагольная система по своей семантике обнаруживает заметный крен в сторону марийского языка.

Ближайшим к пермским языкам по территории распространения является марийский язык. Марийский язык является языком нового качества. По характеру своей лексики он довольно сильно отличается от пермских языков, обнаруживая в этой области некоторое тяготение к прибалтийско-финским языкам: процент слов, общих со словами этих языков, в марийском языке является более значительным, чем в языке коми. Но в то же время в марийском языке имеется группа таких слов, которые встречаются только в марийском и в пермских языках, но отсутствуют в прибалтийско-финских; ср. марийск. *тылзы*, коми-зырянск. *толъсь*, удм. *толъсь* «месяц»; марийск. *пуж*, коми-зыр. *пъж* «лодка»; марийск. *пундаш*, коми-зырянск. *пыдӧс*, удм. *пыдӧс* «дно»; марийск. *тӱр*, коми-зырянск. *дор* «край» и т. д.

Существенно отличается марийский язык от пермских и в отношении фонетической системы. Однако при всех этих различиях марийский язык имеет ряд черт, которые связывают его с пермскими и не встречаются в мордовском языке. В области фонетики для марийского языка характерна тенденция к задерживанию гласных; ср. финск. *pesä*, луг. марийск. *пыжаш* «гнездо»; финск. *pirtti* «пэба», марийск. *пӱрт* «дом»; финск. *valkea* «белый» луг. марийск. *волъыдо* «светлый»; финск. *hapan*, марийск. *шово* «кислый» и т. д. Эта же тенденция оказывается характерной и для пермских языков; ср. финск. *menen*, коми-зырянск. *муна* «иду», удм. *мыно* «я пойду»; финск. *paras*, «наилучший», удм. *бур*, коми-зырянск. *бур* «хороший»; финск. *vanha*, удм. *вуж* «старый»; финск. *taksa*, удм. *мус* «щепень»; финск. *maa*, удм. *му* «земля» и т. д.

Имеются некоторые общие черты в области морфологии. В дателюм падеже, в марийском, как и в некоторых пермских, присутствует *л*-овый элемент, например: *йодайлан* «товарищу» (ср. в коми языке *бӧрлань* «по направлению к лесу»). В мордовском языке *л*-овый элемент в падежных окончаниях отсутствует.

В марийском языке, как и в пермских, существуют перфект и плюсквам-перфект, совершенно отсутствующие в мордовском языке; например, в луговом марийском языке *возен* «он написал», *возен ыле* «он написал раньше», ср. в коми языке *гижӧма* «он написал», *гижӧма вӧлі* «он написал раньше», удм. *мынем* «он ушел», *мынем сал* «он ушел раньше».

В марийском языке имеется прошедшее длительное время, образуемое из форм настоящего времени основного глагола и окаменелой формы третьего лица ед. числа первого прошедшего времени вспомогательного глагола «быть», например, *налам ыле* «я брал», *налат ыле* «ты брал», *налеш ыле* «он брал» и т. д. Эта временная форма построена по той же самой схеме, что и прошедшее длительное в пермских языках; ср. в коми: *босьта вӧлі*

ского языка, наблюдаются некоторые удмуртизмы как в области лексики, так и грамматики, например: в говоре села Слудка имеются слова типа *чериг* «рыба» (ср. удмуртск. *чоры*); личные окончания первого и второго лица мн. числа типа *-мӧ*, *-дӧ*, напоминающие соответствующие личные окончания *-мы*, *-ды* в удмуртском языке (подобные окончания встречаются и в пермских говорах); суффиксы *-ылл*, *-алл*, напоминающие суффиксы множественности действия в удмуртском языке, и т. д. (см. об этом Т. И. Жилина, О говоре села Слудка, Историко-филологический сборник [Коми филиала АН СССР], вып. 3, Сыктывкар, 1956, стр. 84).

«я брал», *босьтан вöлі «ты брал», босьтö вöлі «он брал»* и т. д.; в удмуртском: *басьтйсько вал «я брал», басьтйськод вал «ты брал», басьтэ вал «он брал»* и т. д.

Перфект в марийском языке, как и в пермских, приобрел паряду с чисто перфектным значением способность выражать действие, неочевидное для говорящего, в результате чего образовались особые глагольные времена наклонения неочевидности. Употребление прошедшего длительного в марийском, как и в пермских языках, связано с наличием эмфазы.

Притяжательный суффикс третьего лица в марийском языке, как и в пермских, по наблюдениям Я. Г. Григорьева, помимо функции указания принадлежности, может иметь артиклевое значение, например: *Пöтыр письмам налын. Письмаже аваж дечын улмаш* «Петр получил письмо. Письмо было от матери». Способность притяжательного суффикса третьего лица единственного числа присоединяться не только к именам существительным, но почти ко всем частям речи сближает марийский с языком коми. Притяжательный суффикс в этих случаях играет роль своеобразного средства усиления.

Далее по территории расположения следует мордовский язык. По сравнению с марийским, мордовский в области лексики еще в большей степени приближается к прибалтийско-финским языкам. Заметные отличия от марийского наблюдаются в области морфологии, особенно в области глагола. В мордовском языке нет форм перфекта и плюсквамперфекта, нет особых времен наклонения неочевидности, но зато имеется, как и в обско-угорских языках, объектное спряжение и так называемое определенное склонение. Выражение отрицания посредством особых форм отрицательного глагола в парадигме настоящего времени утратилось. Притяжательный суффикс третьего лица единственного числа не обладает такой активностью, как в пермских и марийском языках.

Тем не менее все же нельзя сказать, что мордовский язык не имеет никаких общих черт с марийским. В мордовском языке встречаются слова, имеющие параллели только в марийском языке; ср.: эрзя-мордовск. *ашо*, марийск. *ош* «белый»; эрзя-мордовск. *панго*, марийск. *понго* «гриб»; эрзя-мордовск. *моро*, марийск. *муро* «песня»; эрзя-мордовск. *ташито*, марийск. *тшшто* «старый»; эрзя-мордовск. *сардо*, марийск. *шордо* «лось»; эрзя-мордовск. *сил*, марийск. *ший* «серебро» и т. д.

Существуют связи и в области языковой структуры. В качестве примера наиболее разительного сходства между марийским и мордовским языками можно привести наличие с-ового элемента в формах прошедшего времени отрицательного глагола, например в марийском: *шым луд (ш<с)* «я не читал», *шым луд «ты не читал», ымш луд «он не читал»* и т. д.; ср. в эрзя-мордовском: *эзинь корта «я не говорил», эзинь корта «ты не говорил», эзь корта «он не говорил»* и т. д.

Марийский и мордовский языки при образовании форм повелительного наклонения используют притяжательные суффиксы, чего не наблюдается в пермских языках. Ср. луг. марийск. *лудшо* «пусть он читает», *лудышит* «пусть они читают», эрзя-мордовск. *кортазо* «пусть он говорит», *кортасть* «пусть они говорят». Марийский язык связан с мордовским и по линии с-ового латива, отсутствующего в пермских языках; ср. марийск. *алеш* «в деревне» (в прошлом обозначало «в деревню»), эрзя-мордовск. *еелес* «в деревню», *кудос* «в дом» и т. д.

В третьем лице единственного и множественного числа первого прошедшего времени в мордовском языке еще сохраняются остатки с-ового прошедшего времени, чего уже нет в прибалтийско-финских языках. Как и в марийском, в мордовском языке наблюдается тенденция к замене старых надежных окончаний послелогам. Основа слова в мордовском

языке, как и в марийском, отличается большей прочностью и однообразием по сравнению с основой в прибалтийско-финских языках.

Прибалтийско-финские языки по некоторым особенностям своей структуры тяготеют к мордовскому более, чем к какому-либо из других финно-угорских языков, но вместе с тем обнаруживают немало элементов нового качества. Резко изменился характер фонетической системы, что выразилось в утрате аффрикат, образовании долгот и т. д. Одной из характерных особенностей прибалтийско-финских языков является развитие на базе древнего аблатива нового падежа — партитива. В эстонском и финском языках образовались аналитические времена — перфект и плюсквамперфект, причем в отличие от бессвязочного перфекта в пермских и марийских языках здесь перфект содержит в своем составе вспомогательный глагол.

Территориально прилегающий к финскому саамский, или лапландский, язык имеет много черт, связывающих его с прибалтийско-финскими языками, но в то же время обнаруживает некоторые признаки, сближающие его с финно-угорскими языками волжской и пермской групп. Венгерский язык обнаруживает явные следы тяготения к обско-угорским и отчасти к пермским языкам. При этом интересно отметить, что некоторые особенности венгерского языка свидетельствуют о том, что он некогда занимал промежуточное положение между обско-угорскими и волжскими языками.

И. Шмидт видел наличие постепенных переходов только между родственными языками. В действительности же языковой аттракции подвергаются также неродственные языки, если они расположены на смежных территориях. Так, например, в удмуртском языке, соседящем с татарским, появились некоторые особенности, свойственные последнему. Сюда относится образование сложных глаголов по татарским моделям (например, удм. *гырыса быдтыны* и татарск. *сөрөп бетерергә* «вспахать»; удм. *куртчыса басьтыны* и татарск. *тешилэп алырга* «укусить»), употребление оборотов типа *адзёме вань* «видел», соответствующих татарск. *күргәнем бар*, регулярное употребление изафетной конструкции с оформленным первым именем (например: *Китайлэн экономикаез* «экономика Китая»; ср. татарск. *ишчеләрнең тормышы* «жизнь рабочих»), частое употребление дееспричастия, наличие многих десятков заимствованных слов и т. д.

Марийский язык оказывается связанным не только с пермскими и мордовским языками, но также с чувашским и отчасти с татарским. Количество общих черт, связывающих марийский и чувашский языки, довольно велико. К ним относится наличие некоторых общих закономерностей ударения (невозможность ударения на последнем или двух последних слогах, если они содержат редуцированные по природе гласные), одинаковые типы моделей образования сложных глаголов, одинаковый порядок расположения притяжательных суффиксов при наличии аффикса множественного числа, распространение формы третьего лица единственного числа вспомогательного глагола «быть» на все лица в некоторых временах наклонения неочевидности, наличие полной и краткой формы прилагательных, приобретение артиклевых функций притяжательным суффиксом третьего лица единственного числа, общность некоторых словообразовательных аффиксов, поразительное сходство в употреблении второго прошедшего времени, и, наконец, несколько сот общих слов. При этом нужно заметить, что чувашский и марийский языки взаимно влияли друг на друга, в результате чего марийский язык отклонился от некоторых общепермско-угорских норм, а чувашский — от общетюркских.

Мордовский язык оказывается связанным не только с марийским и в какой-то мере с прибалтийско-финскими языками, но также и с чувашским. В мордовском языке есть слова, имеющие параллели только в чувашском; ср. эрзя-мордовск. *мазый* «красивый» и чув. *маса* «красота»; эрзя-мордовск.

тарад и чув. *турат* «ветка»; эрзя-мордовск. *ансяк* и чув. *анчах* «только».

Так называемое продленно-прошедшее время типа *ловнылинь* «я читал», *моилинь* «я шел» в эрзя-мордовском языке по особенностям своего употребления очень напоминает прошедшее несовершенное или многократное в чувашском языке и довольно сильно отличается от употребления прошедшего продленного времени в марийском языке.

Любопытный параллелизм наблюдается в употреблении чувашских (на *-ма*, *-ме* и *-ас*, *-ес*) и мордовских (на *-мо*, *-ме* и *-мс*) инфинитивов. Первая форма инфинитива в мордовском языке употребляется после наречия *эряви* «нужно», после вопросительных и отрицательных наречий и после глагола *улемс* «быть»; вторая форма — после глаголов *карман* «начну», *молян* «иду», *маштан* «умею» и некоторых других. Употребление этих инфинитивов в чувашском языке, в основном, имеет тот же характер; ср., например: чув. *парахас пулат* «бросать пушно» и эрзя-мордовск. *эряви модемс «нужно идти»; чув. Мусса пурне те укелеме тытанат* «Муса всех принимает укорять» и эрзя-мордовск. *карми керамо* «начинает рубить» и т. д.

Эстонский язык и отчасти финский обнаруживают некоторые особенности, присущие балтийским языкам. Общей чертой эстонского и латышского языков является наличие в них пересказочного наклонения. Характерным для прибалтийско-финских и балтийских языков является использование плюсквамперфекта для выражения неочевидного действия, чего, например, никогда не наблюдается в пермских или марийском языках. В прибалтийско-финских и балтийских языках иногда встречаются обороты, построенные по одной модели, например русскому глаголу *узнать* в эстонском соответствует оборот *получать знать*; ср.: эст. *sai teada*, финск. *sai tietää*, латышск. *davīja zināt* «он узнал».

Распространение некоторых общих черт не ограничивается только двумя языками, но может охватывать несколько. Например:

Усилительная частица *ак*, *ах* имеет одновременное распространение в марийском, чувашском и мордовском языках, например: в марийском *пычкемыш ыле*, *пычкемышак кодалтын* «темным был, темным и остался», чему в чувашском соответствует *тёттём пулнэ, тёттёмипех юлнэ*; ср. в эрзя-мордовском: *стенасоак ульнесть понгавтнезь мехень одижат* «и на стенах были развешаны меховые одежды».

В марийском, мордовском, татарском и чувашском языках распространена особая уменьшительная форма существительных на *-ай*, употребляемая обычно при обращениях; ср. татарск. *бабай* «дедушка», *атай* «бабушка», чув. *авай* «матушка», марийск. *кугызай* «дедушка», эрзя-мордовск. *алгай* «товарищ» и т. д.

В марийском, татарском, чувашском и удмуртском языках русскому соединительному союзу и соответствуют *последелог*, близкий по значению русскому предлогу *с*, или конструкция с творительным падежом; ср. татарск. *Англия белэн Америка* «Англия и Америка (буквально: Англия с Америкой)», марийск. *Англия ден Америка*, чувашск. *Попове Ивано* «Иванов с Поповым», удм. *йичиен атас* «лиса и петух».

Выражение «мне хочется есть» строится по схеме «мос, едение» приходит в татарском, башкирском, марийском и чувашском языках; ср. татарск. *ашыйсым килэ*, марийск. *кочмеш шугеш*, чув. *манан шес килет*.

Русские обороты со значением обладания типа «у него есть» в татарском, чувашском, марийском, коми и мордовском языках передаются конструкциями с родительным падежом; ср. в татарском: *Газинурның китабы бар* «у Газинура есть книга», в чувашском: *Пирён колхозан Атал урлэ кашмалли перевоз пур* «у нашего колхоза есть перевоз через Волгу»,

в марийском: *Кажне колхозникын пашаже уло* «у каждого колхозника есть работа», в коми: *Царлӧн воліны советникъяс* «у царя были советники», в эрзя-мордовском: *Ханонтъ арасель кормозо конницаз туртов* «у хана не было корма для конницы».

В области фонетики тенденция к превращению *a* в *o* наблюдается одновременно в марийском, чувашском и татарском языках; ср. эрзя-мордовск. *ланго*, марийск. *понго* «гриб»; эрзя-мордовск. *ташто*, марийск. *тошто* «старый»; эрзя-мордовск. *кодамс*, марийск. *кодаш* «оставить»; турецк. *alti*, верх. чув. *олта*, низ. чув. *улта* «шесть»; турецк. *ağaç*, татарск. *агач* «дерево» и т. д.

Тенденция к ослаблению смычки аффрикат наблюдается в марийском, чувашском и татарском языках. Благодаря ей в башкирском осуществился переход *беренче* > *берение* > *беренсе* «первый». Использование деепричастия от глагола «говорить» для введения прямой речи в структуру повествовательного предложения наблюдается в удмуртском, марийском, чувашском, татарском и башкирском языках. Аналитическое будущее время в коми, марийском, мордовском и отчасти в удмуртском образуется по совершенно одинаковой модели: инфинитив основного глагола + вспомогательный глагол «начинать»; ср. в коми *кута гижны* «буду писать», в марийск. *возаш тӱкалам*, в эрзя-мордовск. *кэрман сёрмадомо*, в удмуртском *гожъяны кутскыськом*.

Наличие некоторых общих особенностей, связывающих пермские, марийский, чувашский, татарский и башкирский языки, дает право говорить о существовании особой волго-камской языковой зоны.

Наблюдаются также общие явления, обладающие необычайно широкой распространения. Так, например, в эстонском языке управление глаголов иногда расходится с управлением в русском. Там, где по-русски следовало бы употребить предлог *в* с предложным падежом, в финском языке употребляется дательный или направительный падеж, обозначающий движение во внутрь чего-либо, например: *vihollinen häipyi rämeikköön* «неприятель скрылся в болоте» (буквально: в болото). Подобное расхождение в управлении свойственно, кроме того, эстонскому языку, например: *vahetekile oli juba kogunenud terve meeskond* «на средней палубе (буквально: на средней палубу) уже собралась вся команда», а также лапландскому; ср. в диалекте инари: *Jagi 1760 rakkadegji ođđ a kirku Piel-pajavrikaddai* (T. Jtkonen, Samikieľ abis) «в 1760 г. построили новую церковь на берегу (буквально: на берег) озера Пнелъяярви».

Встречается указанное расхождение и в мансийском языке, например: *тав ворн культыс* «он остался в лесу» (буквально: в лес); *тав турн рачныс* «он утонул в озере» (буквально: в озеро)¹. Не чуждо это явление и мордовскому языку; ср. в эрзя-мордовском *бригада лоткась велес* «бригада осталась в деревне» (буквально: в деревню); довольно часто встречается в марийском языке, например: *немец шамыч площадеш чарнен шогалынит* «немцы остановились на площади». Наблюдается оно также в удмуртском, татарском и чувашском языках, например, удм. *Илья тракторза ана пумэ дуэдытӱз* «Илья остановил трактор на конце поля» (буквально: на конец поля), чув. *унӹн ашшӹ яла ялӹ* «его отец остался в деревне» (буквально: в деревню), татарск. *ул авылга туктады* «он остановился в деревне» (буквально: в деревню)². Далее это явление распространяется на язык коми, например: *колхозникъяс чукӧртчисны вьлӧ клубб* «колхозники собрались в новом клубе» (буквально: в новый клуб). Отмечено это явле-

¹ По сообщению Е. И. Ромбандеевой.

² Подобный характер управления можно наблюдать и в некоторых тюркских языках, например в киргизском, турецком, староузбекском.

ние также в ненецком языке, например: *хардазана' мядонда' малавд'* «в нашем доме (буквально: в наш дом) собрались гости».

Спирантизация древнего веллярного *к* оказывается свойственной не только ненецкому и обско-угорским языкам. Следы ее можно наблюдать в бурят-монгольском и халха-монгольском, а также в тувинском; ср. бурятск. *хара*, халха-монгольск. *хар*, но татарск. *кара* «черный»; тувинск. *хар*, но татарск. *кар* «снег». Бессвязочный перфект, образованный на базе причастия, встречается в марийском, пермских, самодийских, во всех тюркских и монгольских языках.

И. Шмидт предполагал, что языковое явление по мере удаления от очага его распространения должно постепенно исчезать. Это вполне подтверждается конкретными фактами. Развитие сложных глаголов наибольшей интенсивности достигает в татарском, чувашском и марийском языках. Удмуртский язык представляет своеобразную зону затухания этого явления. Слова-мимемы наиболее всего распространены в чувашском и марийском языках, в татарском их встречается значительно меньше, в коми — еще меньше. Определенные формы прилагательных наибольшего развития достигли в чувашском языке, в марийском же определенную форму имеют только некоторые прилагательные, обозначающие главным образом цвета, например: *ужар* «зеленый» (неопределенная форма), *ужарге* (определенная форма), *йошкар* «красный» (неопределенная форма), *йошкарге* «красный» (определенная форма).

Все вышеприведенные факты показывают, что основные положения теории воли И. Шмидта не противоречат действительности. Рассмотрим теперь те языковые факты, которые свидетельствуют о недочетах теории И. Шмидта.

*

Основной недостаток теории воли И. Шмидта состоит в том, что, сделав правильные выводы из наблюдаемых им фактов, он слишком обобщил и абсолютизировал эти выводы. Чрезмерно преувеличивая значение взаимовлияния языков, расположенных на смежных территориях, И. Шмидт склонен был отрицать наличие каких-либо резких границ между отдельными языками. Однако взаимовлияния языков, находящихся на смежных территориях, не исчерпывают всей сложности процессов образования и развития этих языков. Наряду с явлениями взаимовлияния имеют место процессы, совершающиеся в условиях изолированного существования языков. Как показывают наблюдения, территориальный контакт не в состоянии целиком и полностью устранить возможность появления инноваций в языках. Наличие отдельных проявлений языковой аттракции, наблюдаемое в современных финно-угорских языках, не опровергает установленного факта о происхождении всех пермских языков от пермского языка-основы, прибалтийско-финских и мордовского — от прибалтийско-финско-мордовского языка-основы и т. д.

И. Шмидт не разграничивал первичных и вторичных явлений языковой аттракции, предполагая, что все переходные черты всегда и во всех случаях являются первичными. На самом деле здесь картина гораздо сложнее. В языках, находящихся на смежных территориях, явления первичной и вторичной языковой аттракции обычно смешаны. Так, например, некоторые общие черты, связывающие марийский язык с коми, представляют собой явления вторичного порядка; они возникли в то время, когда эти языки сблизились территориально, долгое время перед этим развиваясь обособленно. Вместе с тем некоторые общие черты, связывающие марийский язык с мордовским, например наличие *с*-ового латива, несомненно являются первичными.

И. Шмидт нарисовал идеальную картину взаимопереходов от одного родственного языка к другому, предполагая, что индоевропейские языки тем больше утрачивают праязыковые особенности, чем дальше они находятся по направлению к западу. Он совершенно забывает при этом, что закон неравномерности сохранения и исчезновения праязыковых черт в родственных языках обычно нарушает эту последовательность. Приведем некоторые конкретные факты. В ненецком языке хорошо сохранился *м-овый* аккузатив. По теории И. Шмидта, в ближайшем по территории расположении языке коми это явление должно быть менее развитым, а в еще более территориально удаленном марийском языке оно должно совсем сходиться на-нет. Но получается как раз наоборот: в коми языке нет *м-ового* аккузатива, а в марийском он оказывается хорошо сохранившимся. Древний финно-угорский суффикс *-ast-*, означающий мгновенность, иногда маломерность действия, хорошо сохранился в языке коми, в удмуртском является непродуктивным, в марийском, мордовском языках совсем отсутствует, в эстонском мало продуктивен, но в финском вновь достигает значительной продуктивности.

И. Шмидт не объяснил механизма возникновения сходных явлений, природа которых может быть различной в языках, расположенных на смежных территориях.

Языковые волны И. Шмидт сравнивал с волнами от брошенного в воду камня. Вообразим язык, представляющий собой очаг возникновения волны, и целый ряд географически удаляющихся соседящих языков. Предположим, что языковая волна, порожденная данным языком, распространилась на весь этот ряд языков, что конкретно выразилось в возникновении в них некоторого сходного явления. Графически это можно представить таким образом: 1-2-3-4.

Называя эту изоглоссу языковой волной, мы не гарантированы от следующих ошибок: 1) в каком-либо из этих языков сходное явление, которое мы примем за результат действия одной волны, может оказаться спонтанно возникшим; 2) все эти явления могут исходить не из одного очага возникновения волны, а представлять результат действия лежащего под этими языками однородного языкового субстрата.

И. Шмидт ограничил языковую аттракцию только теми явлениями, которые имеют место в родственных языках, смежных по территории. На самом деле аттракция представляет собой более сложное явление. Она, как мы видели, распространяется как на родственные языки, так и на неродственные. В соседящих диалектах двух родственных языков, не достигших предела интеграции, может иметь место языковое смещение в буквальном смысле слова. В контактирующих родственных языках, достигших предела интеграции, а также в языках неродственных могут наблюдаться сложные переплетения в структурном плане.

Несмотря на перечисленные недостатки, теория волн И. Шмидта не лишена рационального зерна. Взаимовлияние языков, расположенных на смежных территориях, и образование постепенных переходов между языками, действительно, имеет место. Изучение этих фактов может дать многое для понимания процессов возникновения языкового родства вообще и изоглоссных явлений в частности.